

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ УЧЕНЫЙ-ГЕРАЛЬДИСТ

Соболева Н. А.

Современный читатель знал А. Б. Лакиера до сих пор в основном как автора книги "Русская геральдика", изданной в 1855 г. в Санкт-Петербурге и остающейся до наших дней историографическим феноменом. Между тем и другие его труды, как и неординарные личность и судьба, также заслуживают благодарной памяти потомков.

Александр Борисович Лакиер (иногда пишется Лакьер) родился 16 мая 1824 г. в Таганроге в семье коллежского советника Бориса Львовича Лакиера и Екатерины Федоровны, урожденной Шауфус. Б. Л. Лакиер (полное имя - Борис Марк Мориц), бывший прусский подданный, происходил "из гражданских детей". Оставив в Пруссии жену Лею и сына Сигизмунда, он в 1816 г. приехал в Россию. По его словам, он "обучался в Берлинском и Дерптском университетах медицине, акушерству, словесности и разным иностранным языкам". Медицинский диплом Дерптского университета позволил ему получить место уездного лекаря в одном из городков Могилевской губернии, а через три года - он уже городской доктор Таганрога, где через несколько месяцев обвенчался, как записано в метрической книге - "первым браком", с Шауфус - дочерью действительного статского советника, председателя Коммерческого суда города.

С 1824 г. в качестве главного медицинского чиновника Таганрогского карантина Б. Л. Лакиер в течение нескольких лет обслуживал военных и гражданское население, прививая оспу, оказывая помощь в ликвидации эпидемии холеры. Он был одним из тех медиков, кто подписал акт о смерти Александра I, когда личный врач царя Тарасов отказался это сделать. Службу свою, как отмечено в его формулярном списке, "отправлял отлично, в чем оправдал в полной мере ожидания начальства", и за что "награжден Правительствующим Сенатом надворным советником". В 1831 г. вышел в отставку в чине коллежского советника. После 1835 г. семья переехала в Москву, где обосновалась в собственном доме на Басманной, проживая, по-видимому, за счет того, что Б. Л. Лакиер давал деньги в рост. Согласно чинам Бориса Львовича род Лакиеров был внесен в Дворянскую родословную книгу Московской губернии.

Александр Борисович, по-видимому, мало принимал участия в отцовских заботах. По словам П. А. Плетнева, с которым Лакиер познакомился по приезду в Петербург, он был беден, но обладал большими способностями, знанием иностранных языков, необыкновенной работоспособностью и несомненным писательским даром. В начале 40-х годов XIX в. А. Б. Лакиер поступает в самый престижный по тем временам Московский университет на юридический факультет. В занятиях он отдавал явное предпочтение истории российского законодательства, преподавание которого во время его обучения на юридическом факультете велось профессором доктором права Ф. Л. Морошкиным и магистром права К. Д. Кавелиным. В те годы в Московском университете читал лекции Т. Н. Грановский, внимание публики привлекали диспуты по поводу защит магистерских диссертаций на юридическом факультете К. Д. Кавелина, на философском - Ю. Ф. Самарина, С. М. Соловьева. Из писем Лакиера видно, что он был знаком с С. М. Соловьевым и М. П. Погодиным, а также с К. Д. Кавелиным, Ю. Ф. Самариным, Д. А. Ровинским, А. В. Висковатовым.

В 1845 г. Лакиер окончил Московский университет кандидатом, получил золотую медаль и подал прошение о принятии его на службу в одно из министерств в столице. В Петербурге его причислили к гражданскому отделению департамента Министерства юстиции, - где с 19 ноября 1845 г. и началась его служба в чине коллежского секретаря на

должности младшего помощника столоначальника. Он писал Соловьеву: "Главная выгода та, что служба легкая и я до ма могу заниматься наукою часо в по пяти в день. Это превосходно: я могу следить за юридической литературою и писать сам. Я, следовательно, совершенно счастлив своею судьбою". Активная научная, общественная и литературная деятельность Лакиера началась сразу же по прибытии в Петербург. Высоким личным качествам и достоинствам совсем еще молодого человека отдает должное Плетнев первый раз в сентябре 1845 года. Полюбили его и начальники. Через год он становится столоначальником в 4-м отделении Департамента, а еще через год - начальником отделения, титулярным советником, в 1850 г. получает чин коллежского асессора.

С 1846 г. Лакиер регулярно публикует заметки и рецензии на только что вышедшие книги в "Отечественных записках" и "Журнале Министерства народного просвещения" (ЖМНП). Он высказывает суждения не только по истории права и древнерусскому законодательству, но и пишет обзоры книг, сборников документов и журнальных публикаций общеисторического характера. В ЖМНП помещены его критические обзоры книг "Чтений" Общества истории и древностей российских за 1846 - 1849 годы. В них Лакиер предстает ревнителем русской старины. Он ратует за создание научных исторических обществ: "Только Ученое общество может вполне и всесторонне удовлетворить истинному историческому направлению, которое теперь преобладает в нашем Отечестве и преобладает притом не произвольно, не вследствие убеждения того или другого историка, не по какой-нибудь случайной причине, но вследствие внутреннего, в жизни самого народа заключающегося основания с тем, что передали и завещали нам наши предки".

В 1848 г. Александр Борисович становится действительным членом созданного в Санкт-Петербурге в мае 1846 г. Археологическо-нумизматического общества (затем - Русское археологическое общество). Через некоторое время Лакиер уже член его правления: он входит в него как библиотекарь, хранитель музея да еще исполняя обязанности казначея. К 1852 г. книги, поступившие в виде пожертвований от разных лиц, а также приобретенные путем покупки, составили собрание в 3500 томов. Книжные новинки, проходившие через руки Лакиера в библиотеке Общества, давали ему материал для рецензий и обзоров. Постепенно он переключается с правовой на историческую тематику. Об этом свидетельствуют первые его работы, опубликованные в 1847 г.: "О российском государственном гербе", "История титула государей России", "Маскарады, игры и увеселения древних русских". В первых в основном описательных работах Лакиера было немало ошибок. Но он обратил внимание на некоторые вопросы, слабо освещаемые в литературе или не затронутые вовсе. Его работы подкупают своей любовью к русской истории и увлеченностью ею, убежденностью в необходимости разработки памятников отечественной старины. Тематика ранних его работ, обзоры исторических книг и периодики свидетельствуют, что он видел свое призвание в разработке, как бы мы сейчас сказали, "белых пятен" отечественной истории. Работа в Археологическом обществе самым существенным образом повлияла на тот круг занятий, который Лакиер для себя определил, а именно, вопросы геральдики.

Служа в Министерстве юстиции и занимаясь литературно-научными трудами, Лакиер готовился к получению степени магистра. Для диссертационной работы он выбрал сложную, по признанию всех его рецензентов, историко-правовую тему и в 1848 г. защитил ее на юридическом факультете Московского университета. В том же году диссертация под названием "О вотчинах и поместьях" была опубликована отдельной книгой. Имя молодого магистра сразу оказалась в ряду известнейших в отечественной науке. В числе лиц, удостоенных степени магистра (со времени введения нового устава Московского университета в 1836 г. и до его столетнего юбилея в 1855 г.), по историко-филологическому факультету были О. Бодянский (1838 г.), Ф. Буслаев (1848 г.); по юридическому факультету - А. Попов (1843 г.), К. Кавелин (1843 г.), Н. Калачов (1847 г.), С. Пахман (1851 г.).

Впрочем, отзывы на работу "О вотчинах и поместьях" были далеко не блестящими.

Признавая, что предъявленное Лакиером на получение степени магистра "рассуждение совершенно удовлетворительно, представляя очевидные доказательства начитанности автора, знакомства с источниками, трудолюбия и обширных исторических знаний", известный историк Погодин не соглашался с ним по ряду концептуальных, как бы мы сейчас сказали, моментов (по вопросу о времени возникновения на Руси частной собственности на землю, появления поместий, сущности поместья и вотчины и т. д.), а также усматривал ошибки в трактовке фактического, в частности летописного, материала. Погодин указывал на то, что часть второй главы о церковном праве на землю "дельна и удовлетворительна", "раздача, управление, обязанности поместий исследованы и обозрены очень хорошо" и даже противопоставил Лакиера Соловьеву в объяснении понятия "черные" и "белые" земли, считая, что первый абсолютно прав, когда определял "черное" как обложенное податью. Свою рецензию Погодин заключил доброжелательным напутствием молодому исследователю: "Г-н Лакиер очень трудолюбив, как видно, если он столько же самолюбив, и будет настаивать на своих положениях, то пользы для науки выйдет немного; но если он, отложив самолюбие в сторону, решится переделать свое рассуждение, разместить иначе богатые запасы, им собранные, воспользовавшись всеми замечаниями, то подарит нашу историческую литературу прекрасной монографией"¹.

В "Отечественных записках" и "Современнике" Лакиера упрекали в механическом перенесении норм римского права собственности, которые он считал общими для всех народов, на отечественное право, что и обусловило его неверные взгляды на развитие форм собственности на землю в России с древнейших времен.

Кавелина не удовлетворил подход Лакиера к исследованию истории вотчинного и поместного права. Он считал необоснованным отправной тезис Лакиера об отсутствии частной собственности на землю в древней Руси: "По мнению автора, - писал Кавелин, - вся земля в России была собственностью князей и царей, которые раздавали ее "во временное владение" своим приближенным, родственникам или подданным. Это мнение не выдерживает даже самой слабой критики".

Нелицеприятный отзыв учителя, по-видимому, не охладил исследовательского пыла Лакиера, который сразу же приступает к работе над докторской диссертацией. В 1850 г. он "додерживает экзамен на докторство", как пишет Плетнев Гоголю. К тому времени относятся сведения о сотрудничестве Лакиера в только что созданном научно-литературном журнале "Северное обозрение". Журнал, целью которого было, как заявили издатели (с которыми полностью солидаризировались Погодин, С. П. Шевырев и др.), "по мере сил и средств содействовать к отысканию, изучению и разработке своего отечественного, как скоро оно благое и полезное, и с любовью и упованием следить за самобытным развитием русской науки и русской исторической жизни", по своему духу не мог не импонировать Лакиеру. Однако в 1850 г. "Северное обозрение" прекратило свое существование.

Фамилия Лакиера довольно часто встречается в разных периодических изданиях того времени. Особенно тесные контакты устанавливаются у него с ЖМНП. В 1850 г. здесь была напечатана его работа "О службе в России до времен Петра Великого". Она интересна тем, что в ней автор пересмотрел ряд положений своего труда "О вотчинах и поместьях", например, о времени появления частной собственности на землю в древней Руси, уделил внимание общине, четче сформулировал свою позицию в отношении поместья, подчеркнув, в частности, отличие поместья от кормления, предложив более определенную хронологию развития этого института в Русском государстве, и т. д.

В 1850 г. в "Санкт-Петербургских ведомостях" появилась публикация Лакиера "О кабаках и кабальных книгах" - сообщение о редком рукописном памятнике - "Крепостной книге" XVI в., составленной в Новгороде. Через пять лет Лакиер передал этот памятник для публикации в "Архиве историко-юридических сведений". Публикатор Н. Калачов предпослал ей большое предисловие. В газетной же статье Лакиер познакомил широкого

читателя с понятием "кабала" как разновидностью актов, отметив, что кроме служилых кабал в "Крепостной книге" помещены акты, которые нельзя назвать собственно кабалами, хотя ими как крепостями и утверждаются права на людей за теми лицами, в пользу которых они были составлены в свое время (грамоты полные, докладные, рядные, данные, правые и т. д.). Лакиер установил, что в "Крепостной книге" перечислены и подробно описаны акты, которые были представлены разными лицами, жившими в Новгородской земле, для записи их вследствие указа 1597 года.

Калачов, характеризуя "Крепостную книгу", подчеркивал, что значение ее состоит в следующем: предшествуя собственно кабальным книгам, она занимает "середину между ними и теми крепостями, которые составлялись частно или официально до 1597 года". Калачов особенно обращал внимание на то, что за неимением подлинников таких актов, как докладные и полные грамоты, книгой можно пользоваться не только для изучения содержания последних, но, что особенно важно, - для изучения их формы. Дипломатические особенности помещенных в книге актов Лакиера не интересовали. Он сосредоточил внимание на эволюции кабалы как правового документа (по содержанию), не оценив в полной мере исторической значимости оказавшейся в его владении рукописи.

8 ноября 1849 г. Лакиер, подобно другим членам Археологического общества, выступил на одном из его заседаний с докладом "О наградах за службу в России до времен Петра Великого". После доклада развернулась полемика вокруг вопроса о награждении гривнами. Тем не менее по решению общества доклад под несколько измененным заголовком - "О знаках отличия за службу в России до времен Петра Великого" - был напечатан.

Еще Н. М. Карамзин и С. И. де Шодуар считали, что за воинскую службу и другие заслуги князья и цари награждали отличившихся русскими и иностранными золотыми монетами. Лакиер развил эту мысль, подтвердив ее сведениями из ряда источников, не упомянутых этими авторами. Он выстроил целую систему знаков отличия, наград, начинавшихся, по его мнению, с шейной гривны - цепи, к которой затем привешивались "металлические деньги" (из драгоценных металлов) различного достоинства - прообраз позднейшего ордена. Несмотря на ряд заблуждений Лакиера, считавшего, например, первые русские монеты - златники и сребреники - медалями, выбитыми для торжественных случаев и раздававшимися в награду, его труд долгое время оставался у нас единственным, посвященным специально институту наград в Древней Руси, и только с опубликованием работы Н. Г. Спасского "Золотые" - воинские награды в допетровской Руси" был признан "безнадёжно устаревшим для нашего времени".

7 января 1851 г. А. Б. Лакиер вступил в брак с единственной и любимой дочерью Плетнева от первого брака, Ольгой. Друзья Плетнева, и прежде всех А. С. Пушкин, проявляли к ней исключительное внимание. До 18 лет она воспитывалась в доме А. О. Ишимовой, друга Плетнева, переводчицы, автора широко известных книг для детей по истории России. Ольга увлекалась историей и ботаникой, обучалась рисованию и музыке. В письме Гроту Плетнев писал, что свадьба была "самая тихая и самая скромная", "кроме должностных лиц, т. е. посаженных и шаферов, никого мы не приглашали, - подчеркивает он, - к чему наиболее побудила нас слишком чувствительная необширность квартиры молодых". Женившись, Лакиер вступил в родство с очень уважаемым в научных и литературных кругах человеком, приобрел расположение многочисленных знакомых и друзей Плетнева. Существенной материальной поддержкой стало приданое жены. Лакиер приобщился к кругам петербургской профессуры и даже знати, поскольку Плетнев незадолго до свадьбы дочери женился вторично - на княжне А. В. Щетининой, которая лишь на два года была старше падчерицы.

Счастливая для Лакиера пора длилась, однако, недолго: 10 сентября 1852 г. у Лакиеров родился сын Петр, а через четыре дня Ольга умерла. Без сомнения, смерть любимой жены, с которой он прожил менее двух лет, явилась печальной вехой в жизни Лакиера. Однако это не отразилось на его научных и литературных занятиях. Он по-

прежнему сотрудничает в ЖМНП (в 1852 - 1853 гг. здесь напечатаны его рецензии на такие издания, как "Дворцовые разряды", "История российских гражданских законов" проф. К. Неволлина, "Записки Одесского общества истории и древностей", "Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными" и др.). Археологическое общество издало работу Лакиера "История подделки монет в России до времен Петра Великого". Лакиер считал, что Древняя Русь никак не могла обходиться без монетной чеканки, а раз так - то и без соответствующего надзора и "ведения правительства" о подделке монеты.

Представляют интерес работы Лакиера-юриста. К ним относится, например, статья "Общие основания системы договоров и обязательств по началам русского законодательства". Это одна из первых отечественных работ на эту тему. Лакиер использовал в ней материалы из своей публикации о кабальных книгах, дополнив их сведениями о форме актов, процедуре их создания, классификации и эволюции на протяжении нескольких столетий. Рассуждая о юридической значимости акта, он уделяет большое внимание печатям князей и лиц духовного звания. Этот материал вошел впоследствии в книгу "Русская геральдика".

Нельзя не упомянуть и о небольшом сочинении Лакиера, тема которого несколько неожиданна для автора, однако хорошо характеризует его воззрения. Это анонимный "Обзор сношений между Англиею и Россиею в XVI-XVII столетиях". В "Современнике" и "Отечественных записках" рецензенты указывали, что работа эта порождена Крымской войной. По мнению автора, использовавшего для написания своего "антианглийского" произведения русские и английские источники, Англия в своих отношениях с Россией придерживалась принципов меркантилизма, всегда "оказывала предпочтение торговым интересам перед делами государственными". "И этот факт, - пишет Лакиер, - резко обозначился в теперешнюю войну, которая, несмотря на все прикрытия настоящей цели ее ведения охранением равновесия Европы от какого-то воображаемого нарушения, ведется только по купеческому расчету". Проводя исторические параллели, он с негодованием отмечал: "Как теперь, так и тогда англичане считали дозволенными всякие средства, лишь бы ослабить Россию, вовлечь ее в войны и сделать берега наши недоступными для кораблей других народов: одним завладеть всею торговлею". Рецензенты солидаризировались с автором, взывавшим к патриотическим чувствам русского человека, и отмечали, что материал в этой "любопытной книжечке" изложен доступно, эмоционально.

В конце декабря 1854 г. ученый секретарь Археологического общества А. Н. Попов представил участникам его заседания "оконченный печатанием" 7-й том "Записок", в котором было опубликовано сочинение действительного члена Общества А. Б. Лакиера "Русская геральдика". В следующем году "Русская геральдика" вышла отдельным изданием в двух книгах. Появление этого труда произвело сенсацию. "Книга моя "Русская геральдика" совсем разошлась, и я имею в виду второе ее издание", - писал Лакиер чешскому просветителю В. Ганке 14 февраля 1856 года.

Не менее пяти рецензий появилось на нее в том же году. Откликнулись даже провинциальные издания. Рецензенты обратили внимание на сравнительно редкую для отечественной исторической литературы проблематику, историческую значимость вводимого Лакиером в научный оборот материала, касающегося прежде всего русских печатей, которые так же, как и гербы, были обойдены вниманием отечественных ученых, эрудированность автора (Лакиер использовал при написании книги литературу на латинском, французском, немецком, польском и др. языках), его исключительное трудолюбие. Подчеркивалось, что книга "пролагает путь для новых исследователей, которым, конечно, после этого труда уже легче будет дополнять его и совершенствовать". Впрочем, в "Современнике" Н. Г. Чернышевский высказал некоторый скепсис: дворянские гербы он не считал предметом, заслуживающим внимание ученых.

Однако научная общественность придерживалась иного мнения, и в 1856 г. автор "Русской геральдики" стал лауреатом почетнейшей Демидовской премии. Первый лауреат этой премии, профессор русской истории Петербургского университета акад. Н. Г. Устрялов в 1856 г. дал развернутую и очень лестную характеристику работы Лакиера, взгляды которого были очень близки воззрениям самого Устрялова как представителя официальной дворянской историографии. Он указывал на новизну и основательность изложения, на уникальность тематики. Лакиеру пришлось выдержать значительную конкуренцию: на конкурс было представлено 25 работ (14 по гуманитарным наукам), а премиями награждено 9 сочинений (5 гуманитарных).

Рецензенты предугадали заслуженную славу "Русской геральдики". Конечно, развитие науки, в том числе и вспомогательных исторических дисциплин - сфрагистики и геральдики (отделившихся от археологии), потребовало критического переосмысления ряда положений книги Лакиера, являющейся продуктом своего времени. Дворянско-охранительное направление, занимавшее привилегированное положение в историографии XIX в., существенно отразилось на исследовании Лакиера. Он исходит из ассоциации герба и дворянства: "Гербы суть знаки отличия дворянских родов", вместо того, чтобы беспристрастно анализировать этот знак, определить его сущность и значение безотносительно к принадлежности, независимо от территориальной характеристики.

Стремление автора во что бы то ни стало обнаружить в древней русской жизни "начала и основания" ряда гербов увело его от всестороннего осмысления самого понятия "герб", не позволило дать ему объективную оценку как таковому и именно с этих позиций рассмотреть эволюцию данного института в Русском государстве. Размышляя об определении герба, Лакиер исключает правовой момент - утверждение (возможно, лишь фиксация) герба верховной властью, что давало его владельцу (будь то индивид, территория и пр.) определенные привилегии. Признать этот аспект в понимании герба означало бы заставить Лакиера согласиться с тем, что гербы в России - явление позднее.

В рецензии на работу Лакиера Чернышевский отмечал, что автор преследовал цель создать практическое руководство "для составления гербов тем лицам, которые вновь приобретают дворянство или, принадлежа к старинному дворянству, еще не имеют гербов". Действительно, в труде Лакиера значительное место отводится так называемой теоретической геральдике, то есть правилам составления герба. Автор признает, что форма российских гербов была заимствована из Западной Европы. Излагая теорию геральдики, он перечисляет правила, согласно которым на протяжении ряда столетий строилось геральдическое искусство в европейских странах, рекомендуя использовать эти правила в русской геральдической практике. На это обращали внимание и рецензенты. Указывалось и на практическое значение "Русской геральдики" ввиду того, что процесс герботворчества в Российской империи продолжается.

Городская геральдика занимает весьма скромное место в труде Лакиера, городским гербам посвящен краткий обзор, содержащий самые общие сведения по этому вопросу. В книге не рассматривается их статут, а процесс возникновения и эволюции не связан с развитием Российского государства. В своем отношении к истории русского города автор исходил из утвердившегося к тому времени мнения о неорганичности для России городского развития. Самобытность ее исторического пути, исконность самодержавия и многое другое получили отражение в его концепции древнего происхождения русских гербов, неразрывной связи древних печатей и появившихся впоследствии гербов. Против этого утверждения выступил ряд рецензентов книги. А. Н. Попов писал: "Что касается древних печатей наших, мы не можем не заметить, что между ними и гербами нашими нет никакой исторической связи. Сфрагистика наша - весьма любопытная часть Археологии русской, однако ж, вовсе не послужила основанием для нашей геральдики". В преемственности древних грузинских эмблем и последующих гербов сомневался М. И. Броссе.

Нельзя не упомянуть еще об одной идее, присутствующей в книге, идее национального единства всего славянства, выражающейся в конструкции особой "геральдики Славянской". Вопрос о резком отличии отечественных гербов от западноевропейских и их близости к гербам славянских стран являлся, по мысли Лакиера, главным. Однако даже русофил Ганка, к которому, как к единомышленнику, обратился автор "Русской геральдики", затруднился ответить на него, по-видимому, не найдя конкретных подтверждений особой близости чешских и русских гербов. Он ограничился лишь общим, весьма, впрочем, лестным замечанием о книге Лакиера, а в дальнейшем оказал ему самый радушный прием в Праге, снабдив рекомендательными письмами, которые, по словам Лакиера, "открывали... всюду двери".

Рассматривая "Русскую геральдику" в контексте современных воззрений на процесс становления и эволюции в Русском государстве дворянских и городских гербов, формирование института герба в целом, причины его возникновения, отличие от печатей, этапы развития геральдики и прочее, можно во многом согласиться с рецензентами, высказывавшими замечания автору почти 150 лет тому назад. Бросается в глаза тенденциозность Лакиера, следование вопреки самой логике исследования, официальной доктрине. Вместе с тем книгу отличают использование колоссального фактического материала, подлинный клад идей, которые будят мысль. Кроме того, "Русскую геральдику" можно назвать первым русским сфрагистическим трудом. Лакиер оперирует практически всеми печатями (металлическими, восковыми, перстнями-печатями и т. д.), известными к середине XIX века. В значительной своей части сфрагистический материал размещен в таблицах. Лакиер описал в общем все княжеские печати, опубликованные в "Собрании государственных грамот и договоров" и известные к тому времени со значительными поправками, уточнениями и объяснениями, предпринял попытку их классификации. Кроме княжеских, он описал некоторые печати городов, духовенства, должностных и частных лиц.

Такие методические приемы, примененные Лакиером при исследовании древнерусских печатей, как соотнесение изображений на печатях и одновременных им русских монетах, сопоставление изображений на печатях с аналогичными литовскими, польскими, сербскими и другими европейскими образцами, использование письменных источников при выработке правильной трактовки той или иной эмблемы, которую несет печать, позволили ему сделать наблюдения, часть которых трудно оспорить. Иные же, как, например, утверждение о якобы изображенном на печати Мстиславовой грамоты архангела Михаила, которого спустя несколько веков можно увидеть в гербе Киева, требуют пересмотра. Кстати, Чернышевский в рецензии весьма положительно отозвался о сфрагистических изысканиях Лакиера, не вызвало у него возражения и исследование автором территориальных гербов (государственного и городских).

"Русская геральдика" явилась своего рода завершением определенного этапа в жизни Александра Борисовича. В дальнейшем он никогда уже не обращался к геральдике, да и вообще отошел от научной работы. В год присуждения ему Демидовской премии он оставляет службу обер-секретаря 3-го департамента Сената и на два с лишним года отправляется в путешествие по странам Европы, Америки и северной Африки. Можно лишь предположительно судить о средствах, позволивших ему предпринять столь длительную поездку. Он мог воспользоваться причитающимися ему по завещанию умершего отца деньгами (несколько тысяч), полученной премией (2,5 тыс. рублей). Однако, по-видимому, основным кредитором выступил Плетнев, к которому после смерти дочери зять неоднократно обращался с просьбой выделить ему часть причитающихся в качестве наследства Ольге денег.

Лакиер послал Плетневу из разных стран несколько десятков писем, подробно описав города и страны, быт и нравы живущих там народов, свои встречи с различными людьми, среди которых было много известных государственных деятелей, историков, литераторов. По письмам можно восстановить и маршрут Лакиера. За год он посетил

почти все европейские страны: Швейцарию, Германию, Францию, Чехословакию, Польшу, Венгрию, Италию, Испанию, Данию, Голландию, Англию. В августе 1857 г. он отплыл из Ливерпуля на пароходе "Европа" в Соединенные Штаты. Он побывал в крупнейших городах восточной части США, на севере и на юге, спустился по Миссисипи до Нового Орлеана, посетил Канаду и остров Кубу. Из Франции Лакиер в январе 1858 г. отправился в Северную Африку и провел там четыре месяца, проехав Алжир, Тунис, Египет. Затем он направился в Иерусалим, побывал в Афинах и, наконец, в мае из Константинополя приплыл в Одессу. Все лето 1858 г. он провел в странствиях по Кавказу и югу России. Посетив родной Таганрог и Киев, он в сентябре 1858 г. вернулся в Петербург.

Во время путешествия Лакиер вел дневник, отрывки из которого печатались в самых читаемых тогда журналах: "Современник", "Отечественные записки", "Вестник Европы". Одна из первых его публикаций - "Новая читальная зала в Британском музее" - была напечатана в 1858 г. в № 244 "Санкт-Петербургских ведомостей" и посвящалась барону М. А. Корфу, директору Публичной библиотеки, много сделавшему для ее процветания. Обратила на себя внимание и статья об опыте выкупа крестьянских повинностей у лужицких сербов.

Серию статей Лакиера об американских городах Бостоне, Вашингтоне, Нью-Йорке опубликовал журнал "Современник"; о поездке на Кубу он рассказал на страницах "Отечественных записок". Описаниями путешествий Лакиера зачитывался молодой Д. И. Писарев. "Русский вестник" в нескольких номерах напечатал лакиерову "Поездку по Канаде". Дневниковые записи Лакиера вышли в 1859 г. отдельной книгой (2 тома). В предисловии автор определил цель своего путешествия в Америку: "Главною моею заботой) было изучить учреждения и познакомиться с внутренним бытом страны и общества".

Чутко реагирующий на запросы читающей публики Лакиер не мог не уловить особого интереса русского общества к молодому государству - США; интереса и в то же время незнания, что подчеркнул в своей рецензии на книгу Н. А. Добролюбов. "Некоторые знают побольше, некоторые поменьше, но редко кто имеет основательные и подробные познания относительно американских нравов и учреждений". И далее: "Вследствие такой бедности знаний в нашей литературе постоянно раздавались самые разноречивые и часто забавные суждения об Америке... При таком положении наших знаний о Северной Америке книга г. Лакиера составляет приятное явление в нашей литературе". Добролюбов соглашается с суждением о книге как "первом у нас описании Америки, юной и малонаселенной страны, которая имеет много общего с Россией и во многих отношениях любопытна". Добролюбов оценил книгу Лакиера как "дельную". Она натолкнула Добролюбова на написание очерка "внутреннего устройства Североамериканских штатов".

"Путешествие по Североамериканским штатам" мало известно советскому читателю. Между тем это сочинение Лакиера, помимо большой информативности, интересно еще и оценочными моментами, характеризующими менталитет образованного европейца середины XIX века. "Пакет" вопросов, интересовавших Лакиера, очень любопытен: "Как этот младший в семье человечества брат успел так далеко оставить за собою старших братьев в торговле, мореплавании и вообще производительной деятельности? Почему и теперь уже Северо-Американские Штаты во многом служат образцом для Европы, когда, можно сказать, от начала существования Америки до сих пор прошло всего столетия? Где зерно того демократического равенства, которое вовсе непонятно для европейца? Какую пользу, какое назидание можем мы извлечь для себя из великого опыта, представляемого страной, с которою сношения если до сих пор вовсе не начиналось по отдаленности, современем, можно предвидеть, примут огромные размеры чрез Тихий океан?"

Скепсис по отношению к "вольной стране" Америке, где надо следить за своими вещами, не полагаясь на службу, где повсюду раздражающая торопливость, очень скоро сменились у Лакиера вполне рациональным одобрением многих существующих здесь порядков. Его привели в восторг организация народного образования, широкая сеть "доступных всем и посещаемых исправно" публичных библиотек; ведение судопроизводства, при котором судьи пользуются исключительной самостоятельностью, а народные заседатели юридически грамотны; общественная благотворительность и т. д. Он сумел оценить деловитость и рационализм американцев. "В Америке можно не любить частных, но нельзя не любить общего, не удивляться тому, до чего Европа дойти не может, и это удивление выносишь к народу, который управляет сам собою, и к учреждениям, которые без чужой помощи дают человеку столько счастья и благ, сколько он вместить может".

Вместе с тем у Лакиера вызвал отвращение "невольничий кодекс" ("учреждение, о котором не хочется говорить"), ему казалась странной и противоестественной такая нелюбовь белых к цветным, при которой первые с ними "не хотят иметь ничего общего, даже воздуха, которым дышат". Вопрос кубинского плантатора, "чем положение ваших свободных работников лучше положения моих негров?", показался ему риторическим, ибо, как всякий образованный европеец, Лакиер выступал против рабства, считая его античным рудиментом. Второй момент, вызвавший неприятие Лакиера, - "вечная гонка за долларами, всегдашнее служение золотому кумиру". Это также своеобразный стереотип, характерный для оценки европейцами американского образа жизни. Лакиер отступает от него, когда пишет об американской благотворительности: "Различие американского общества от нашего, что никто не может, не должен и не хочет отказываться от труда для общего блага".

Лакиер не ограничился только личными впечатлениями, разговорами с попутчиками, государственными чиновниками, плантаторами. Он использовал обширную литературу по истории колонизации Америки, прессу, справочники и другие материалы, которые позволили ему в определенной степени проанализировать феномен американской демократии и в какой-то мере предвосхитить будущее этой страны. Размышление о том, суждено ли американцам вернуться в Европу и смогут ли они оказать какое-либо влияние на ее развитие, привело Лакиера к убеждению: "Молодой, деятельный, практический, счастливый в своих предприятиях народ... будет иметь влияние на Европу, но употребит для того не оружие, не меч и огонь, не гибель и разорение, а распространит свое влияние силою изобретений, торговли, промышленности; и это влияние прочнее всяких завоеваний".

Весной 1859 г. Александр Борисович женился на своей землячке Елене Марковне Варваца, дочери богатого и знатного грека М. Н. Комнено- Варваца. Плетнев писал по этому поводу Вяземскому: "Лакиер... вступает во второй брак с богатой гречанкой Варваца из таганрогского круга всех наших откупных крезов: Бенардаки, Вофей, Алфераки и проч." Еще один год Лакиер находился на государственной службе в Петербурге - в Центральном статистическом комитете Министерства внутренних дел. В чине коллежского советника он состоял в Земском отделе, учрежденном для подготовительных работ по крестьянской реформе. Одновременно его имя фигурирует и в списке преподавателей Училища правоведения Министерства юстиции, где он читал курс гражданского права.

Весной 1860 г. Лакиер выходит в отставку и переезжает в Таганрог, где поселяется в имении отца своей второй жены. Автор "Русской геральдики" выступает в несвойственном ему ранее амплуа - практикующего адвоката. Он сообщает А. В. Плетневой: "Я сам занимаюсь адвокатурой, которая всегда была моею любимой мечтою и теперь при новых судах я ей совершенно предаюсь". Лакиер и сына Петю, внука Плетнева, мечтал сделать своим "сотрудником и помощником", предполагая определить в

Санкт-Петербургское училище правоведения. Но его мечтам не суждено было сбыться: в 1870 г. Лакиер умер.

В последний период жизни Александр Борисович не так часто, как раньше, выступал на страницах столичных журналов. Но все-таки несколько его специальных статей опубликовано в начале 60-х годов XIX в. в "Журнале Министерства юстиции". Быт и нравы семьи Варвацы изменили не только его интересы, но и образ жизни. Он, как и все семейство Варвацы, известное в Таганроге своей благотворительностью, вступил на этот путь, являясь членом-учредителем Благотворительного общества в Таганроге.

А. Б. Лакиер принадлежит к лучшим представителям русской интеллигенции середины XIX века.